

Тибет Абак. «Курдский Вопрос» и Россия: исторические истоки и реалии рубежа XIX – XX вв./ Абак Тибет // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.57–63.

ТИБЕТ АБАК

«КУРДСКИЙ ВОПРОС» И РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И РЕАЛИИ РУБЕЖА XIX— XX вв.

Уже многие десятилетия «курдский вопрос» (или «восточно-анатолийский вопрос») является одной из самых сложных проблем на Ближнем Востоке. В самом упрощенном виде он представляется как повстанческое движение курдов, продолжающееся уже примерно 200 лет, за создание своей государственности. Курды на сегодняшний день проживают на территории четырех государств: Турции, Ирана, Сирии и Ирака. Некоторые курдоведы и писатели, обычно беря это за основу, утверждают, что курды представляют собой нацию, территорию проживания которой поделили между собой вышеперечисленные державы.

На сегодняшний день можно говорить о том, что Ирак является неким исключением, так как после агрессии США 2002 г. в Северном Ираке под опекой американцев образовался «Курдистан» («страна курдов»). И все же необходимо отметить, что этот народ больше соответствует племенным характеристикам, нежели возможно вести речь о курдах как нации. Действительно, если рассматривать их социальную структуру, обычаи, образ жизни и важнейшие вехи истории, то очевидно восприятие курдов как отдельных племен. Например, они, в особенности в рассматриваемый период, жили отдельно и полунезависимо от государства и друг от друга. Что самое интересное, когда одно из многих курдских племен восставало против Османской империи, а затем и Республики Турции, то другие курдские племена обычно не реагировали на это и даже иногда были на стороне государства против своих соплеменников. Кроме того, можно утверждать, что курды очень тесно смешались с турками в процессе исторического развития и восприняли от них многие черты в культуре, образе жизни. Прежде всего оба народа исповедуют ислам, что сильно сказывается на их взаимоотношениях: как в позитивном смысле, так и негативном, проблемном.

Возникновение самого «курдского вопроса» и заинтересованность некоторых держав в нем взаимно влияли друг на друга. В рассматриваемый период как раз и происходило нарастание этого взаимовлияния. Поэтому рубеж XIX—XX вв. и необходимо всесторонне исследовать как с точки зрения происхождения и внутреннего содержания самого «курдского вопроса», так и его «встроенности» в тогдашнюю систему международных отношений. Россия, как сосед Османской империи и чуть ли не постоянно воевавшая с ней, неизбежно не только была в курсе «курдского вопроса», но и сама должна была использовать его в проведении своей внешней политики в стратегически важном для нее кавказском регионе.

Вехи истории: османское управление в Восточной Анатолии до начала XIX в. Курды вошли в состав Османской империи после Чалдыранской войны 1514 г. Султан Селим I Беспощадный, победивший в этой войне против Персии, захватил всю Восточную Анатолию, которая была населена курдскими и турецкими племенами. Перед началом Чалдыранской войны около 20 курдских вождей объявили Селиму I о своей верности. Идриси Битлиси — историк, дипломат и один из влиятельных курдов — был в ближайшем окружении турецкого султана и очень помог ему обеспечить преданность курдских вождей. Подробно эти события изложены в турецких источниках и научной литературе [1; 2]. Последний из этих источников является древнейшей летописью курдов, написанной Шереф-ханом в конце XVII в. Он имеет важное значение в изучении именно средневековой курдской истории (хотя очевидно, что летопись была заказной и должна была продемонстрировать преданность курдов султану). **Абак Тибет** — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета

После одержанной турками победы Восточная Анатолия стала полем бесконечных боев между Османской империей и Персией. Отметим, что в данной работе используется термин «Восточная Анатолия», но не «Курдистан», так как название «Курдистан» официально существовало очень короткий период времени и при этом никогда не обозначало независимое государство. Например, когда оно формально первый раз использовалось в период правления султана Санджара (умер в 1157 г.) в Иранской Сельджукии. В данном случае эта дефиниция обозначала лишь одну губернию государства [3, с. 144]. О практике использования в исторической науке термина «Курдистан» имеются подробные исследования [4, с. 540—553].

Вышеуказанная ситуация наносила удар по данной области. Ряд турецких племен возвращался из этого района в Азербайджан и Иран. А некоторые курдские племена уходили в горную местность [5, с. 125—138]. Можно утверждать, что борьба между Персией и Османской империей поменяла плотность населения в Восточной Анатолии в пользу курдов. Так как в этой войне Персия поддерживала племена туркменских шиитов, а Османская империя оказывала помощь племенам курдских шафиитов, угнетая при этом туркменских шиитов. В результате многие курдские шафииты из-под власти Персии переселились в Восточную Анатолию, а немало туркменских шиитов из Османской империи мигрировали в Персию. Таким образом, несмотря на то что «отуречивание» Анатолии началось с восточной ее части, плотность населения здесь обеспечивалась преимущественно курдами [5, с. 65—70].

После завоевания турками Восточной Анатолии здесь создавалась новая административная и экономическая организация. Османская империя, руководствуясь тимарской системой в стране и в восточных губерниях, учредила здесь другой режим: автономное управление [6; 7, с. 94—130; 8, с. 69-78; 5]. Османское правительство не вмешивалось во внутренние дела некоторых губерний, где обитали курды. В целом курдские вожди или большие племенные семьи самостоятельно управляли территориями [9, с. 239—245]. Нужно отметить, что эти курдские автономные руководства были обязаны платить налоги и выставлять солдат в распоряжение центрального правительства. Хотя некоторые курдские эмираты и племена освобождались от государственных налогов, но взамен во время военных походов они предоставляли государству вооруженный отряд и обеспечивали охрану и защиту границ [10, с. 5].

Можно говорить о том, что подобный османский режим в Восточной Анатолии существовал без особых изменений до начала XIX в. На протяжении этого времени туркменские и курдские племена довольно тесно смешивались друг с другом. Некоторые курдские племена поменяли свой язык на турецкий, а туркменские племена, наоборот, стали говорить на курдском языке. Нужно отметить, что на самом деле вопрос о существовании отдельного курдского языка достаточно сложен и невозможно однозначно на него ответить. Исторически существуют несколько отдельных местных диалектов: курманджи, зааки. Но даже люди, говорящие на этих диалектах, понимают друг друга с трудом [11, с. 149—169; 12, с. 425].

Помимо этого, ряд племен из различных этнических групп объединились [13, с. 95]. Чтобы осознать османский режим в Восточной Анатолии, необходимо обозначить его политические и ментальные реалии: система власти и властная логика Османской империи базировалась на «миллетской системе», в которой народы отличались между собой в зависимости от религии [14, с. 22]. Поэтому не было такого понятия, как «курдский народ».

Тимарская система представляла собой основной административно-управленческий строй Османской империи. Главной особенностью этой системы являлся контроль государства над всеми областями страны. Эта система препятствовала становлению феодальных отношений, но способствовала строгому контролю над всей хозяйственной жизнью (торговлей, переработкой сельскохозяйственной продукции и т. д.) и, что важно, эффективному комплектованию войск. Столетиями все элементы империи мирно существовали. Османское правительство стремилось поддерживать паритет и в пестрой этнической ситуации. Можно прежде всего говорить о существовании разделения (а соответственно, и противоречий) по религиоз-

ному признаку: на христиан, мусульман и исповедовавших иудаизм евреев. Хотя и в данном отношении государство стремилось особо не вмешиваться в религии народов империи.

Ликвидация курдских эмиратов и первые курдские восстания. Начало XIX в. и господство Махмуда II составляет поворотный пункт в развитии «курдского вопроса». До этого времени некоторые курдские эмираты, освободившись от уплаты налогов и сформировав свои войска, значительно усилились, и даже можно утверждать, что они превратились в некое государство в государстве. Наиболее значимыми из этих эмиратов были: Бабанский, Соранский, Бахдинанский, Бохтанский и Хакярийский. Они вели между собой частые войны, потому их границы постоянно изменялись. Налоги с народа взимались произвольно. Вследствие бесконечных войн и особенностей географического положения этих мест Османская империя не стремилась вмешиваться в эту зону. Таким образом, восточные территории империи выделялись своей структурой, укладом жизни, уровнем феодальных отношений.

Эта феодальная структура начала слабеть в эпоху Махмуда II, который реформировал страну, подобно Петру I, и решил ликвидировать эмираты, чтобы модернизировать империю. Ослабление же феодализма означало большой удар по интересам курдских эмиратов. Так, в Турции стало нарастать военное противостояние между центростремительными и центробежными силами, которое существует вплоть до настоящего времени.

При этом нужно отметить, что чем больше обострялась внутритурецкая война, тем больше другие государства начинали интересоваться курдами. Без всякого сомнения, в этом вопросе курдская политика Российской империи представляет несомненный исследовательский интерес. Можно утверждать, что Россия до 1917 г. оказалась самой влиятельной страной в развитии «курдского вопроса», наряду с Великобританией. Но до конца XIX в. не возникли условия, чтобы непосредственно ей вмешаться в эту проблему: само курдское движение и его целевые установки еще были слабые и неопределенные. А еще они не имели явно выраженного национального характера. До конца XIX в. очевидной спецификой курдских движений была их локальность. Например, самые главные восстания этого периода — восстание Бабанзаде Абдурахман-паши (1806—1808) в Мосуле, восстание Бабанзаде Ахмет-паши (1812) в том же Мосуле, восстание зазаских племен (1818—1820) в Дерсиме, восстание Язидов (1830—1833) в Наккярии, восстание Шереф-хана (1831) в Битлисе, восстание Кор Мехмет-паши (1830—1833) в Мосуле, восстание Мир Мухаммеда (1833—1837), восстание Гарзана (1839) в Диарбекире, восстание Бадр-хана (1843—1847), восстание Езданшира (1855) в Бит-лисе — не имели национального значения и носили местный характер. Они были разрозненными, и каждый из курдских вождей преследовал только свои цели.

Одной из основных причин всех бунтов являлось усиление центра, благодаря административным реформам, в противодействии центробежным силам. Так, в Восточной Анатолии возросла посредническая миссия губернаторов, назначавшихся из центра. Стамбульское правительство начало создавать сильную контролируемую сеть в губерниях и взяло сбор налогов в свои руки, а не через посредничество курдских вождей [9, с. 267]. Поэтому многие курдские (а в то же самое время и некоторые турецкие) племена и их вожди, будучи обеспокоенными потерять свою власть и имущество, бунтовали. Но османское правительство во главе с султаном Махмудом II подавило все эти восстания и установило в Восточной Анатолии общетурецкий порядок — второй раз после мероприятий, осуществленных султаном Селимом I в 1514 г. Этот второй захват восточных губерний при Махмуде II подробно изложен в воспоминаниях известного немецкого офицера Хельмута фон Мольтке [15].

Формирование политики Российской империи в «курдском вопросе» (1825—1905). Россия после упрочения своих позиций на Кавказе в начале XIX в. была готова и к установлению контактов с некоторыми народами, обитавшими в Османской империи и в Иране, в том числе и с курдами. Первый раз Россия вступила в отношения с курдами после завершения российско-иранской войны 1804—1813 гг. По мнению известного исследователя Жевадиха,

«Авторитет России в глазах курдов значительно возрос после ее побед над Ираном в сражениях при местечках Арпач (1807) и Асландузе (1812), закончившихся подписанием Гюлистанского соглашения, которое значительно уязвило гордость Ирана» [16, с. 221]. Поражение Ирана в российско-иранской войне 1828 г. еще больше увеличило влияние России среди курдов.

Параллельно успехам России на Кавказе и в целом на Востоке в Петербурге стал проявляться большой прогресс в востоковедческих исследованиях, особенно в курдоведении. Вообще, курдоведение и курдская политика России всегда были тесно связаны друг с другом. Например, когда правительству России потребовалось исследование по поводу курдских племен и курдской географии, тогда же курдоведы активизировали свои научные действия. Об этом пишет известный турецкий дипломат и исследователь Биалал Шимшир [17, с. 68]. Чтобы осознать значимость российского курдоведения, можно сослаться на высказывание одного из самых знаменитых курдоведов В. П. Никитина: «...я хочу подчеркнуть, что при всех возражениях Россия, и в частности, русское востоковедение, открывают наилучшую возможность для исследований в области курдологии. Минорский говорит, что, хотя в Курдистане побывало мало русских (да и то в основном чиновники или военные), все же научная обработка данных о курдах осуществлялась почти полностью в России. Сравнительный словарь всех языков, созданный по желанию Екатерины II академиком Палласом в 1787 году, был едва ли не первым научным изданием, включавшим 276 курдских слов» [18, с. 400—401].

Нет необходимости излагать этапы развития курдологии. Однако хотелось бы указать на отдельные вехи, существенно пополнившие знания о курдах. Уже в XVII в. французский востоковед Б. де'Эрбло узнал о существовании курдской хроники, описывающей племена дальних провинций Курдистана в плохо изученную эпоху. Английские путешественники раздобыли с большим трудом несколько списков, но лучший экземпляр попал в руки российских военных. В 1828 г., во время войны с Ираном, генерал граф П. К. Сухтелен овладел Ардебилем и захватил в качестве военного трофея знаменитую библиотеку Сефевидов, которую отправил в Петербург. В ее составе оказался экземпляр «Шереф-наме», выправленный и подписанный самим автором в 1599 г. Российские ученые сразу оценили значение рукописи. Сначала академик В. В. Вельяминов-Зернов издал оригинальный

персидский текст, затем академик Ф. Шармуа в 1868—1875 г. опубликовал четырехтомный французский перевод.

Во время Крымской войны курды вместе с другими турецкими военнопленными оказались в Смоленской губернии. Российская Академия наук направила к ним П. И. Лерха, который первым издал курдские тексты с комментариями (1856—1858) [18, с. 400]. Двое российских ученых, И. Н. Березин и В. Ф. Диттель, направленные в страны Востока, посвятили себя изучению курдов [18, с. 400]. Еще больший вклад в курдологию был сделан двумя российскими консулами — А. Я. Ходько (уроженцем Беларуси) и А. Д. Жабой [18, с. 401]. Ходько, познакомившись в Париже с образованным курдом, издал по-французски («Жур-наль Азиатик», 1857) работу о восточном диалекте района Сулеймание. Консул А. Д. Жаба находился в 1848—1866 гг. в Эрзуруме, изучая западный курдский диалект. Он сплотил вокруг себя группу образованных курдов и с их помощью составил курдскую хрестоматию, курдо-французский словарь, франко-курдский разговорник и большой франко-русско-курдский словарь. Российская Академия наук издала только первые две работы. Две остальные, имеющие большую практическую ценность, считались пропавшими, но счастливый случай помог В. Ф. Минорскому обнаружить их следы, и в 1913 г. внуки А. Д. Жабы передали ему все бумаги. В 70-х гг. XIX в. профессор С. А. Егизаров изучал курдов бывшей Эриванской губернии [18, с. 401]. Их язык он знал с детства, что помогло ему записать много интересного.

Вклад, сделанный Россией в курдологию, признан и за границей. Даже труды таких немецких ученых, как Ф. Юсти и А. Социн, а впоследствии тексты, собранные австрийцем Х. Макасом, были переданы авторами для издания Российской Академией наук. То есть все наиболее существенное в курдологии вышло в свет в Петербурге

По словам В. П. Никитина, курды и отношение к ним различных заинтересованных сторон для России всегда имели большое значение [18, с. 286]. С начала XIX в. она взялась за формирование своей курдской политики. Курдская политика Российской империи приобретала свою логику и очертания во многом благодаря генерал-фельдмаршалу графу Эриванс-кому И. Ф. Паскевичу. Он пропагандировал среди курдов миролюбие к России и придавал их дружбе особое значение, особенно в войне с Османской империей 1828—1829 гг. Так, курды были эффективно использованы против турок, и княжества Равандуз, Бохтан, Бехбехан и Хаккяри в итоге воздерживались от участия в войне [16, с. 222—225]. Балул-паша, курд из Баязита, стремился соединиться с русскими, впрочем, безуспешно. Эмир-паша из Муша пытался освободиться от бремени верноподданнических обязательств по отношению к туркам. Действия графа И. Ф. Паскевича стали хорошим примером для будущего: Россия всегда использовала курдов против Турции. Об этом подробно пишет П. И. Аверьянов [19].

Несмотря на то что с XIX в. в Восточной Анатолии центральная власть Порты активно реформировала и упрочивала государственный порядок, восстанавливая свое господство, российские интересы в отношении этой территории сильно возросли. Районы, населенные курдами, оказались в центре внимания. Несомненно, что Восточная Анатолия не только привлекала к себе российский интерес, но также интересы стран Западной Европы и даже США. Их политика на востоке Османской империи достаточно хорошо исследована [20].

Россия не могла сильно вмешиваться в дела региона вплоть до конца XIX в. Однако подготавливалась теоретическая инфраструктура и курдоведения, и курдского национализма. Формировалась общая мировоззренческая атмосфера под влиянием впечатлений российского офицерства, служившего на Кавказе. Военный министр князь В. А. Долгоруков ценил дружбу курдов для достижения целей России и в письмах, которые высылал наместнику на Кавказе и главнокомандующему Отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву (Карскому), советовал устанавливать хорошие отношения с курдами [21, с. 166—167].

Россия еще не могла серьезно влиять на развертывание курдских восстаний: как на мятеж Бадр-хана, так и на восстание под предводительством Езданшира. Однако следует отметить, что это восстание совпало с Крымской войной, поэтому было в пользу России.

Политика России на османском востоке и курды (1878—1905). Конец XIX в. для Ближнего Востока является самым сложным периодом. Великие державы уже были готовы поделить османское наследство. Использовалось подстрекательство как мусульманского, так и христианского населения к бунту против турецкого правительства, провоцирование народов к борьбе между собой. Так, в донесении от 11 марта 1900 г. российский вице-консул в Ване и Эрзеруме генерал В. Ф. Маевский заметил, что «Курды и армяне Ванского и Биглисского вилайетов прожили вместе несколько сот лет. Особого порядка и благоустройства в этой части Курдистана никогда не было. Но общее положение христианского населения здесь было гораздо лучше до вмешательства держав, чем после этого вмешательства» [22, с. 387].

«Курдский вопрос», наряду с другими, обострился в особенности после российско-турецкой войны 1877—1878 гг., которая закончилась поражением Османской империи. В этой войне большинство курдских племен были на стороне Турции, но, тем не менее, некоторые племена занимали позицию нейтралитета или даже поддерживали Россию [22, с. 83].

После этой войны национальные устремления курдов еще более активизировались. Известное курдское восстание под руководством шейха Обейдуллаха (1880) можно считать одним из следствий турецкого поражения в войне с Россией. Это было последнее крупное курдское восстание, предшествовавшее младотурецкой революции. Оно вспыхнуло на иранской пограничной территории Шемдинана (Урмия, Бинаб, Марате) и некоторое время угрожало непосредственно Тебризу. В конечном итоге курды вынуждены были отступить в Турцию. Иранское правительство заявило решительный протест, и в результате совместного иранско-турецкого военного вмешательства действиям восставшего шейха был положен

конец. Отправленный вначале в Константинополь, шейх Обейдуллах был сослан затем в Мекку, откуда после младотурецкой революции возвратился к своему младшему сыну, шейху Абдул-Кадыру, впоследствии ставшему турецким сенатором [18, с. 163].

Следует отметить, что курдоведы обычно придают большое значение восстанию под руководством шейха Обейдуллаха, а некоторые даже представляют его первым современным бунтом в курдской истории [23, с. 154; 24, с. 1—7; 16, с. 153]. Но на самом деле основная причина мятежа основывалась на феодальных устремлениях шейха, воевавшего против России со своими племенами в войне 1877—1878 гг. Во время войны он получил 20 000 ружей от государства. Но после войны, не желая вернуть оружие, некоторое его количество продал на иранском рынке [17, с. 184]. Во время войны шейх со своими отрядами нападал на армянское население, убивал и грабил, одновременно ожидая от государства наград. Но Османская империя не реагировала, да и Иран прекратил выплату денежного довольствия, которое прежде ему выплачивалось за его службу. И Обейдуллах стал бунтовать [17, с. 185].

Нужно отметить, что Россия не поддерживала шейха Обейдуллаха, но ее победа над Турцией в войне 1877—1878 гг., как и постоянные вмешательства вместе с другими державами во внутреннюю политику Турции и подстрекательства османских народов к бунтам, создали в Турции атмосферу недоверия. А это было в пользу Обейдуллаха.

Важным фактором, влиявшим на политику России на Ближнем Востоке, являлось империалистическое соперничество. Особенно усилилось проникновение Германии, что вызвало изменение тактики великих держав. По словам М. С. Лазарева, политика Германии на Ближнем Востоке, а в первую очередь строительство немцами Багдадской железной дороги, «„воспринималась Англией как подготовка к решительному наступлению на ее огромные колониальные владения в Азии. Поэтому Англия и Франция (боявшаяся за свои внушительные капиталовложения) отбросили традиционную доктрину сохранения целостности Османской империи (призванной, с одной стороны, создать преграду для продвижения России на Балканы и Ближний Восток, а с другой — прикрыть их собственные захватнические планы в отношении "оттоманского наследства")...» [22, с. 83]. В результате у этих стран стали вызревать планы полного раздела Турции в «политической гонке» на опережение Германии.

Это соперничество очень влияло на положение курдов. И американские миссионеры, и европейские державы, а среди них и Россия, стремились распространить свое влияние в восточных вилайетах Турции, для чего пытались привлекать курдов (как и армян) на свою сторону [22, с. 84]. Конкуренция между великими державами превращалась в своеобразную, по словам М. С. Лазарева, «охоту». В донесениях российского вице-консула в Ване послу от 17 июня 1897 г. отмечается, что «Британские представители в Восточной Анатолии вели антирусскую агитацию среди местного населения (курдов, ассирийцев, несториан, а также других христианских народов), особенно стараясь парализовать растущее русское влияние на курдов. Как отмечал французский консул в Эрзуруме, не было случая, чтобы после поездки русского консула к какому-нибудь курдскому племени туда не приехал и его английский коллега: «Обычно английский консул шел по следу русского консула» [22, с. 100].

В этой «охоте» курды и армяне были главными объектами, а Россия вместе с Англией — самыми влиятельными сторонами. В конечном счете курдская политика России была успешной. Россия в войнах с Турцией смогла обеспечивать поддержку некоторых курдских племен [22, с. 137]. Кроме того, значительная часть зарубежных курдов в общем относилась к России благожелательно, видя в ней возможную их освободительницу от турецкого господства. Например, некоторые противники турецкого правительства, такие как сын Бадр-хана Осман-паша и ханский племянник Абдурреззак, хотели покровительства России [22, с. 79, 87]. Но Россия обычно осторожно относилась к таким просьбам,

чтобы сохранять стабильность на своих границах. Тем не менее когда она хотела в силу конкретных обстоятельств изменить статус-кво, то сразу же начинала использовать курдов или армян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Özdemir, Takir*. 1514 Amasya Antlatması: Kurt-Osmanlı Yttifakı ve Mevlana Ydris-i Bitlisi, Peri Yayınları İstanbul, 2005.
2. Terefhan, Terefname (Kurt Tarihi), cev: Mehmet Emin Bozarslan, Hasat Yayınları. İstanbul, 1990.
3. *Hassanpour, Amir*. "Kurt Kimliğinin Yntasy: Yirminci Yuzyıl Öncesi Tarihsel ve Edebi Kaynaklar", Kurt Kimliğinin Kökenleri Üzerine Arattırmalar içinde, editor: Abbas Vali, cev: Fahriye Adsay, Umit Aydođmut ve Sema Kylyc, Avesta Yayınları. İstanbul, 2005.
4. *Tezcan, Baki*. "The Development of the Use of 'Kurdistan' as a Geographical Description and the Incorporation of this Region into the Ottoman Empire in the 16th Century", Great Ottoman-Turkish Civilization içinde, editor: Kemal Cicek. Yeni Türkiye, 2000.
5. *Ynalçyk, Halil*. "Dodu Anadolu Tarihinde Toplu Bir Bakyt", Sosyal Bilimler Kavtadynda Dodu ve Guneydodu Anadolu, Sempozyum, Van Valilidi, Yuzuncu Yıl Üniversitesi. Van, 1997.
6. *Çin, Halil*. Osmanlı Toprak Düzeni ve Bu Düzenin Bozulması, Selçuk Üniversitesi Yayınları. Konya, 1992.
7. *Koprulu, Fuat*. Bizans Müesseselerinin Osmanlı Müesseselerine Tesiri, Ötüken Nesriyat. İstanbul, 1981.
8. *Aktan, Coskun Can*. "Osmanlı Tymar Sisteminin Mali Yonu", Turk Dünyasy Arattırmaları Dergisi, Sayı: 52. Subat, 1988.
9. *Bruinessen, Martin van*. Ada, Teyh, Devlet, Yletitim Yayınları. İstanbul, 2003.
10. *Джалыл, Дж*. Восстание курдов в XIX в. / Дж. Джалил // Курдское движение в новое и новейшее время / отв. ред. М. А. Гастарян. М. : Наука, 1987.
11. *Sevgen, Nazmi*. Zazalar ve Kyzylbatlar (Codrafya-Tarih-Hukuk-Folklor-Teogoni), Kalan Yayınları. Ankara, 1999.
12. *Turkdodan, Orhan*. Guneydodu Kimliđi Atiret Kultur Ynsan, Alfa Yayınları. İstanbul, 1994.
13. *Bruinessen, Martin van*. Kurtluk, Turkluk, Alevilik, cev: Hakan Yurdakul, Yletitim Yayınları. İstanbul, 2000.
14. *Kirisci, Kemal-Winrow, Gareth M*. The Kurdish Question and Turkey: An Example of a Trans-state Ethnic Conflict, Frank Cass Publishers. Portland, 1997.
15. *Moltke, Helmut von*. Türkiye Mektupları, cev: Hayrullah Örs, Remzi Kitabevi. İstanbul, 1995.
16. *Jwaideh, Wadieh*. Kurt Milliyetçilidinin Tarihi, cev: Ysmail Cekem-Alper Duman, Yletitim Yayınları İstanbul, 2004.
17. *Simsir, Bilal*. Kurtculuk 1787-1923, Bilgi Yayinevi. Ankara, 2007.
18. *Никитин, В*. Курды / В. Никитин. М. : Прогресс, 1964.
19. *Аверьянов, П. И*. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Исторический очерк / П. И. Аверьянов. Тифлис, 1900.
20. *Kieser, Hans Lukas*. Iskanlanmyt Baryt, cev: Atilla Dirim, Yletitim Yayınları. İstanbul, 2005.
21. *Celil, Celile*. Kurt Ayдынlanması, cev: Arif Karabad, Avesta Yayınları. İstanbul, 2001.
22. *Лазарев, М. С*. Курдский вопрос (1891—1917) / М. С. Лазарев. М. : Наука, 1972.
23. *Lazarev, Mihail Semenovich*. «Osmanlı Ymparatorludunun Yflasynyn Arifesinde Kurdistan», Kurdistan Tarihi içinde, editor: M. S. Lazarev & S. X. Myhoyan, cev: Ybrahim Kale, Avesta Yayınları. İstanbul, 2007.
24. *Olson, Robert*. The Emergence of Kurdish Nationalism and The Sheikh Said Rebellion 1880—1925. Austin : University of Texas Pres, 1989.

SUMMARY

The article considers the emergence of the Kurdish question as a one of the most significant questions in the Middle East and influence of Tsarist Russia to this problem in the second half of the XIX — the beginning of the XX ct. In this case, especially the article deals with forming of the Russian kurdology and movements of Russian officers to Kurds which coincided with researches of kurdologists.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2009 г.